

DOI 10.20310/1810-0201-2021-26-190-166-176
УДК 94(47).083

«Теперь они в Тамбове носят действительный траур»: антисемитская кампания 1909–1912 гг. в Тамбовской губернии

Владимир Александрович ЛОВЦОВ

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6819-6554>, e-mail: vladimirlovtsovdotcom@gmail.com

“Now they are in Tambov in real mourning”: the anti-Semitic campaign of 1909–1912 in the Tambov Governorate

Vladimir A. LOVTSOV

Derzhavin Tambov State University
33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6819-6554>, e-mail: vladimirlovtsovdotcom@gmail.com

Аннотация. Рассмотрены цель, причины и ход антисемитской кампании 1909–1912 гг. в Тамбовской губернии, поднятой губернатором Н.П. Муратовым. На основе архивных и мемуарных источников реконструирован конфликт Н.П. Муратова с директором Тамбовского музыкального училища С.М. Стариковым, основной причиной которого являлись антисемитские взгляды тамбовского губернатора. Рассмотрены практики и подходы, используемые Н.П. Муратовым в реализации дискриминационного законодательства, и его взгляды в контексте их распространенности в губернаторском корпусе исследуемого периода. Актуальность темы исследования связана с необходимостью более отчетливого понимания механизмов и принципов взаимодействия провинциальной власти с обществом в Российской империи начала XX века. Сделан вывод о том, что, несмотря на действующее в Российской империи дискриминационное законодательство, направленное против евреев, Н.П. Муратов не смог лишить С.М. Старикова должности благодаря оказанной ему поддержке со стороны Императорского Русского музыкального общества. При этом антисемитские взгляды Н.П. Муратова не отражают взглядов всего губернаторского корпуса этого периода или чиновничества Российской империи в целом.

Ключевые слова: Российская империя; Тамбовская губерния; губернаторский корпус; Н.П. Муратов; дискриминационное законодательство

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-39-90026.

Для цитирования: Ловцов В.А. «Теперь они в Тамбове носят действительный траур»: антисемитская кампания 1909–1912 гг. в Тамбовской губернии // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2021. Т. 26, № 190. С. 166-176. DOI 10.20310/1810-0201-2021-26-190-166-176

Abstract. We examine the purpose, reasons and course of the anti-Semitic campaign of 1909–1912 in the Tambov Governorate, raised by the governor N.P. Muratov. On the basis of archival and memoir sources, the conflict between N.P. Muratov and the director of the Tambov music school S.M. Starikov is reconstructed, the main reason for which was the anti-Semitic views of the Tambov governor. The practices and approaches used by N.P. Muratov in the implementation of discriminatory legislation and his views in the context of their prevalence in the governor's corps of the period under study are considered. The relevance of the research topic is associated with the need for a clearer understanding of the mechanisms and principles of interaction between the provincial government and society in the Russian Empire in the early 20th century. It is concluded that, despite the discriminatory legislation against Jews in force in the Russian Empire, N.P. Muratov could not deprive S.M. Starikov of his post thanks to the support provided to him by the Im-

perial Russian Musical Society. At the same time, the anti-Semitic views of N.P. Muratov do not reflect the views of the entire governor corps of this period or the officials of the Russian Empire as a whole.

Keywords: Russian Empire; Tambov Governorate; governor's corps; N.P. Muratov; discriminatory legislation

Acknowledgements: The reported study was funded by Russian Foundation for Basic Research, project number 20-39-90026.

For citation: Lovtsov V.A. «Teper' oni v Tambove nosyat deystvitel'nyy traur»: antisemitskaya kampaniya 1909–1912 gg. v Tambovskoy gubernii [“Now they are in Tambov in real mourning”: the anti-Semitic campaign of 1909–1912 in the Tambov Governorate]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2021, vol. 26, no. 190, pp. 166-176. DOI 10.20310/1810-0201-2021-26-190-166-176 (In Russian, Abstr. in Engl.)

Весной 1912 г. тамбовский губернатор Н.П. Муратов получил перевод в Курск. Губернию покинул «коренной столыпинец» [1, с. 260] и «человек реконкисты с головы до пят» [2, с. 143], принципиальным вопросом для которого являлась борьба с политической оппозицией. За шесть лет управления Тамбовской губернией Н.П. Муратов до блеска отточил стиль административной борьбы, в котором подчеркнутая законность действий была фасадом закулисных интриг губернатора.

После гибели П.А. Столыпина в сентябре 1911 г. Н.П. Муратов лишился поддержки, которую ему неизменно оказывал министр. Вмешательство губернатора в дворянские выборы 1912 г. не встретило одобрения у нового министра внутренних дел А.А. Макарова [3]. Чтобы избежать развития конфликта между дворянами и губернскими властями, А.А. Макаров перевел Н.П. Муратова на должность курского губернатора.

Но главное поражение в карьере, как считал Н.П. Муратов, ему нанесло Императорское Русское музыкальное общество (далее – ИРМО), сумевшее сохранить должность директора Тамбовского музыкального училища за С.М. Стариковым, по совместительству являвшегося директором тамбовского отделения ИРМО, несмотря на требования Н.П. Муратова о его отставке: «...Стариков, провожая глазами из окна своей гостиной коляску, увозившую меня навсегда из Тамбова, наверное, насмешливо приговаривал: «Скатертью дорога». Однако историю эту я все же вспоминаю не без удовольствия, как по некоторым эпизодам ее сопровождавшим, так и по тому закалу, который пришлось в ней получить» [1, с. 263-262].

С.М. Стариков, помимо того, что был близок к оппозиционным кругам губернии,

обладал еще одним непростительным, по мнению Н.П. Муратова, качеством, обывавшего губернатора обрушиться на музыканта всей силой провинциальной администрации – он был евреем.

Н.П. Муратов не скрывал своего негативного отношения к евреям, что в том числе можно охарактеризовать как «сознательный расчет произвести эффект известного рода, заставить говорить о себе, укрепить за собой славу ярого черносотенца и этим путем попасть в министры» [4, с. 77]. Эта сторона деятельности тамбовского губернатора оказалась наиболее известной и нашла отклик в художественных произведениях, таких как «Былое (Русские в 1962)» А.Т. Аверченко и «Изверг» Б. Брехта [5, с. 231-234; 6, с. 311-315].

Поэтому в контексте губернаторской службы Н.П. Муратова интересно рассмотреть два вопроса: какие практические методы тамбовский губернатор использовал в инициированной им антисемитской кампании и насколько подобные взгляды на положение евреев в Российской империи были распространены среди губернаторов начала XX века.

В статье А.С. Тумановой отмечено, что преследование С.М. Старикова и других евреев носило, помимо общего «антисемитского настроя тамбовского губернатора» [7, с. 109], характер борьбы Н.П. Муратова с растущей демократизацией общества после Первой русской революции. В работе В.В. Канищева отмечены роль локальных губернских политических конфликтов, вовлеченность в которые С.М. Старикова на стороне противников губернатора настроили против него Н.П. Муратова, и сетевые связи директора училища в среде аристократии и бюрократии, которые перевесили влияние губернатора и позволили

С.М. Старикову сохранить свою должность в Тамбовской губернии [8].

Деловая переписка губернатора, касающаяся обстоятельств преследования С.М. Старикова, а также имеющие отношение к этим событиям делопроизводственные бумаги хранятся в Государственном архиве Тамбовской области (далее – ГАТО).

Начало травли С.М. Старикова было положено в письме Н.П. Муратова в ИРМО. Губернатор в красках описывал свое возмущение от «какофонии при исполнении «Жизни за Царя»¹ в Тамбове в 1909 г. Организовавшего постановку антрепренера подвели не приехавшие из Москвы музыканты, и ему пришлось обратиться за помощью к директору музыкального училища С.М. Старикову. Присланные директором ученики не справились с исполнением «Жизни за Царя», свидетелем чего стал Н.П. Муратов. Вызвав антрепренера, губернатор выяснил обстоятельства дела, а после «...обратил внимание на очень радостно настроенного и смеющегося Старикова, который, будучи позван ко мне в первом же антракте со смехом заявил, что действительно его ученики оказались совершенно неподготовленными к исполнению сложной музыки Глинки»².

Н.П. Муратов заподозрил злой умысел в поступке С.М. Старикова, так как он должен был знать о способностях своих учеников, и провал «Жизни за Царя» расценил в качестве «дерзкой насмешки еврея над тем, что дорого и свято каждому русскому человеку»³.

В ИРМО отнеслись к оскорблению патристических чувств Н.П. Муратова без должного понимания: «21-го заседание Главной Дирекции для разбора грязной, клеветной черносотенной жалобы тамбовского губернатора на Старикова. Уж Стариков глуп и прохвостен, а тот – сугубо, так что, поневоле, пришлось встать на сторону антипатичнейшего Старикова, на которого взъелся губернатор за его еврейство... Жалоба самая черносотенная» [9, с. 87].

Н.П. Муратов, встретив отпор в ИРМО, взял ситуацию в свои руки и развернул кампанию против директора музыкального училища, а вместе с ним и всех проживающих в

губернии евреев. Как писал об этих событиях губернатор, у его предшественников просто не было времени заняться борьбой со С.М. Стариковым и другими евреями: «...на мою же долю досталась ликвидация еврейско-освободительного движения и подведение итогов тем счетам, которые стали представляться русскими людьми евреям и еврействующим»⁴.

Н.П. Муратов не мог своим распоряжением избавить С.М. Старикова от занимаемой должности. Но он мог создать невыносимые для его жизни условия. ИРМО было поставлено перед выбором: сохранить С.М. Старикова директором училища или лишиться в Тамбове поддержки первого лица губернии.

Первым шагом губернатора стало требование ревизии деятельности С.М. Старикова. Такая проверка была проведена в мае 1909 г. членом ИРМО, композитором С.В. Рахманиновым. Никаких нарушений найдено не было [10, с. 476-478], и Н.П. Муратов решил искать их самостоятельно.

Губернскими властями было обнаружено, что в училище числились приписанные к нему ученики-евреи, фактически не проживающие в Тамбове⁵. Финансовая деятельность училища тоже вызывала вопросы в своей законности⁶.

Собранного материала хватило для доклада на заседании губернского комитета попечительства о народной трезвости. Губернатор поднял вопрос о субсидии, выделяемой комитетом трезвости в пользу местного отделения ИРМО, директором которого был С.М. Стариков. Деньги были предназначены для организации народных концертов и обучения церковному пению лучших исполнителей. По сведениям Н.П. Муратова, таких концертов не проводилось. Помимо этого, губернатор считал, что передача такой субсидии в распоряжение еврея наделяет его не свойственными по закону правами. Не говоря уже о том, что Н.П. Муратова возмущало преподавание курсов церковного православного пения иудеям [1, с. 67].

Своим докладом Н.П. Муратов задевал не только С.М. Старикова. Подпись в назначении субсидии поставил в том числе и действующий губернский предводитель дворян-

¹ ГАТО (Государственный архив Тамбовской области). Ф. 4. Оп. 1. Д. 6848. Л. 5.

² Там же. Л. 20об.

³ Там же. Л. 21.

⁴ Там же. Л. 4.

⁵ Там же. Л. 38.

⁶ Там же. Л. 30.

ства Н.Н. Чолокаев, состоящий в руководстве и комитета трезвости, и тамбовского отделения ИРМО. Н.Н. Чолокаев фактически назначил субсидию организации, в материальном благополучии которой был лично заинтересован.

Н.Н. Чолокаев предпринял попытку сохранить субсидию за С.М. Стариковым, ссылаясь на то, что, например, преподаванием русского языка занимаются в том числе и евреи, поэтому в обучении С.М. Стариковым церковному пению нет ничего предосудительного. Ответ Н.П. Муратова однозначен: «...евреи вообще преподавателями в русских учебных заведениях быть не могут, а если это и есть, то, как беззаконие, должно быть устранено, что русский язык, наша красота и сокровище, конечно принадлежит нам, но доступ к нему свободен для всех; не то вера — она только принадлежит нам, православным и доступ не только к ней, но и ко всему тому, что может относиться к ней или соприкасаться с ней, должен быть евреям запрещен» [1, с. 68].

Дальнейшее разбирательство могло обнаружить личный интерес Н.Н. Чолокаева в получении ИРМО субсидии, поэтому губернский предводитель отказался от претензий. Деньги комитета трезвости передали хору служащих казенного винного склада под руководством акцизного чиновника П.Н. Богдашева.

Н.П. Муратов продолжал писать в ИРМО письма с привычной для себя аргументацией: «...нельзя ставить население в необходимость идти за помощью в музыкальном образовании к представителю племени, признаваемого самим законом вредным и опасным; что посему, отстаивая интересы коренного населения, я не могу оказывать содействия и покровительствовать директору училища, пока таковым будет еврей» [1, с. 265]. Однако никакой пользы от писем не было. ИРМО возглавляла принцесса Е.Г. Саксен-Альтенбургская, по мнению Н.П. Муратова, «ярая юдофилка» [1, с. 266].

В очередной визит тамбовского губернатора в Санкт-Петербург в мае 1909 г. в его гостиничном номере раздался звонок. Сотрудник ИРМО А.Д. Оболенский хотел договориться о личной встрече. Беседа состоялась на следующий день. А.Д. Оболенский охарактеризовал С.М. Старикова как пре-

красного музыканта и педагога, безукоризненного в политическом отношении. Недоразумения с документами учеников он просил отнести к вине канцелярии училища. Все это оставило Н.П. Муратова равнодушным, но А.Д. Оболенский сумел договориться о встрече губернатора с Е.Г. Саксен-Альтенбургской.

Разговор с принцессой подтвердил твердость намерений обеих сторон. Н.П. Муратов не желал идти на уступки в деле С.М. Старикова, а ИРМО отказывалось перевести его в другую губернию.

На приеме у графа М.П. Толстого в имении Трубетчино Лебедянского уезда Тамбовской губернии при посредничестве бывшего министра внутренних дел А.Г. Булыгина Н.П. Муратов встретился с А.С. Танеевым, управляющим собственной Его Императорского Величества канцелярией, композитором и отцом подруги императрицы Александры Федоровны А.А. Вырубовой.

А.С. Танеев потребовал от тамбовского губернатора прекратить преследования С.М. Старикова. Н.П. Муратов указал на то, что пока ИРМО не найдет возможности сменить директора-иудея на христианина или мусульманина, гонения на училище не прекратятся. Стороны вновь не пошли на уступки: «Разговор кончился, и Танеев встал. Отлично помню, как Булыгин, играя своими всегда веселыми глазами, сказал, обращаясь к Танееву: «Да, Александр Сергеевич, какие теперь губернаторы-то пошли!». Намек был на столыпинские времена [1, с. 271].

Н.П. Муратов не упускал ни малейшей возможности задеть С.М. Старикова. По традиции двери на новогодний прием в губернаторский дом были открыты для всех. Специального распоряжения швейцару не принимать С.М. Старикова губернатор не давал, так что одному из чиновников пришлось остановить пришедшего на праздник зимой 1910 г. директора музыкального училища на парадной лестнице и на глазах всей собравшейся публики отказать в приеме.

На всех публичных мероприятиях, где присутствовал Н.П. Муратов, участие оркестра С.М. Старикова или его самого было невозможно: «Житьишко для него сделалось сереньким и он плакал в жилет Чолокаеву, вспоминая времена Ржевского, когда для него двери самого губернаторского дома были всегда широко открыты» [1, с. 263].

Губернатору было необходимо показать, что он исполняет волю всего тамбовского общества. Для подобной демонстрации Н.П. Муратов выбрал клубы, которые по его задумке должны были внести в уставы пункты, запрещающие евреям посещать их, подтвердив тем самым «...внедрившееся в плоть и кровь проснувшегося русского человека отчуждение от инородца, шедшего в первых рядах пресловутой русской революции»⁷.

Под давлением Н.П. Муратова в купеческом, приказчиьем и ремесленном клубах евреев не принимали. В конце 1911 г. настала очередь Коннозаводского клуба – «кадетской цитадели» [1, с. 289] чиновников и интеллигенции.

Коннозаводский клуб в то время в качестве гостей принимал С.М. Старикова и прибывшего в губернию с новыми воинскими частями зубного врача-еврея. В результате конфликта врача с офицерами гарнизона командир квартировавшей в Тамбовской губернии 2-й бригады 7-й пехотной дивизии генерал-майор Н.Я. Жданович передал губернатору требование военных: до тех пор, пока в клубе будут принимать евреев, офицеры отказываются его посещать. Н.П. Муратов сообщил о разговоре с Н.Я. Ждановичем совету старшин клуба, и, заняв сторону военных, поставил ультиматум: «еврей или офицер»⁸. 21 декабря 1911 г. большинством голосов «46 против 36»⁹ совет клуба постановил не изгонять евреев. Военные сразу же лишили клуб своего оркестра: «Клуб с его увеселениями, вечерами, маскарадами остался сразу на мели. В городе история становилась злобой дня. Решение мною уже было принято: предложение о сдаче, иначе штурм» [1, с. 289].

Клуб приготовился держать оборону. Было решено, что офицеры подбиты на бунт губернатором с целью выжить С.М. Старикова из Тамбова. Совет клуба понимал, что Н.П. Муратов не пошел бы на закрытие старейшего клуба города из-за последующего скандала, способного привлечь общероссийское внимание.

Н.П. Муратов объединил против себя «жидо-кадетов»¹⁰ из числа чиновников, по-

сещавших Коннозаводский клуб. К ним губернатор относил членов суда, судебных следователей, кандидатов в судебные должности и адвокатуру¹¹ – практически полный состав судебного ведомства губернии, постоянные конфликты с которым стали визитной карточкой правления Н.П. Муратова. Судебные чины увидели прекрасную возможность посчитаться с губернатором в предстоящем конфликте. Н.П. Муратову предстояло рискнуть карьерой, начав конфликт с МВД из-за незаконного закрытия клуба, или признать за Коннозаводским клубом право принимать евреев и потерпеть поражение.

Перед следующим клубным собранием губернатор посетил председателя суда В.Г. Газенвинкеля¹². Н.П. Муратов просил его повлиять на своих подчиненных с той целью, чтобы враждебная губернатору партия из числа судебных чиновников не явилась на собрание. Однако затея провалилась. Судебные чиновники явились на заседание, а председательствовал в совете старшин В.М. Вакар, пользовавшийся большим авторитетом в либеральных кругах губернии.

Снова клуб собрался 28 декабря 1911 г. В зале собрания Н.П. Муратов повторил ультиматум: отказ предпочесть евреев офицерам несовместим с дальнейшим существованием клуба. Губернатор признал, что инициатива закрытия клуба не пройдет через губернские органы власти и дело передадут в Сенат. А на время разбирательства на двери клуба будет повешен замок. Даже если Сенат займет сторону клуба, то его члены лишатся привычного места отдыха вплоть до отмены решения губернатора. Закончил Н.П. Муратов так: «И оскорбительную демонстрацию против офицеров, и лишение себя привычного отдыха и развлечения – все это вас убеждают сделать не ради защиты жизненных интересов клуба, не ради защиты прав старинных, уважаемых членов клуба, а ради двух-трех гостей, принадлежащих к племени, представители коего, по давно установленной традиции, все равно никогда в члены клуба не допускались» [1, с. 291].

Повторное голосование было за губернатором. Всем хотелось сохранить клуб, миновав сенатскую волокиту. Но для этого пришлось поступиться поддержкой С.М. Стари-

⁷ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 6848. Л. 4об.

⁸ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 7659. Л. 313об.

⁹ Там же. Л. 338об.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. Л. 314.

¹² Там же. Л. 339.

кова и других евреев, подвергаемых гонениям в губернии. Н.П. Муратов праздновал победу: «Жидо-кадетская интеллигенция, привыкшая думать о евреях и любить их – по «Русскому слову» и «Русским ведомостям», была побеждена сплоченным большинством благоразумных людей и честных людей, не пожелавших оскорблять представителей нашей славной армии»¹³. В устав клуба были внесены поправки и по сведениям Н.П. Муратова до самой революции Тамбов оставался «единственным городом России, где ни в одном из клубов евреи не под каким видом не допускались» [1, с. 292].

В мемуарах Н.П. Муратов описывал атаку на Коннозаводский клуб случайной инициативой офицерства. А в письме в ИРМО характеризовал ситуацию с клубами как реакцию тамбовского общества: «Совершенно свободные и ни от кого не зависимые общества, без шума и крика, но вполне единодушно, точно сговорившись, стали закрывать для евреев двери своих собраний. Я говорю о тамбовских клубах – всех, и аристократических, и демократических. Ремесленники два дня тому назад внесли постановление о недопуске в их общество евреев; общество приказчиков не принимает их в свою среду. В тамбовском обществе помещиц, чиновничьих, в домах, где принимают, где собираются, где бывает народ – евреи совершенно отсутствуют»¹⁴.

Однако в отчете директору департамента Общих дел А.Д. Арбузову он описывает ситуацию с купеческим клубом, в которой был реализован идентичный с Коннозаводским клубом сценарий конфликта офицера с евреем¹⁵. С приказчицким клубом получилось легче, губернатор однажды уже перекрыл основной источник финансирования клуба – игру в лото, и легко мог сделать это снова. Поэтому председатель совета клуба приказчиков в нужный момент появился в кабинете Н.П. Муратова и сообщил о закрытии клуба для евреев¹⁶.

«Ликвидация еврейско-освободительного движения»¹⁷ Н.П. Муратовым коснулась и экономической жизни губернии, несколько

наиболее характерных случаев он отметил в мемуарах.

В середине 1910 г. из Польши в Тамбовскую губернию прибыли на расквартирование полки. Как описывал свои впечатления Н.П. Муратов, «сейчас же по приходе полков я узнал, что они привезли с собой и своих подрядчиков евреев, конечно, со свитой, и скоро на улицах Тамбова, к моему большому смущению, появились пейсатые, в длинных лапсердаках, в картузиках с маленькими козырьками, настоящие польские жида. Вот удовольствие!» [1, с. 280].

Н.П. Муратов потребовал замены подрядчиков на местных торговцев, при этом выяснив обстоятельства махинаций действующих подрядчиков на армейских поставках и причастность командиров частей к мошенничеству [1, с. 281]. Первоначально отказавшиеся подчиниться требованиям Н.П. Муратова военные в итоге были вынуждены заменить подрядчиков на местных.

Весной 1911 г. в Тамбове должна была начаться стройка Крестьянского поземельного банка. Незадолго до начала торгов по подряду управляющий тамбовским отделением банка П.А. Афремов в беседе с губернатором выразил беспокойство, что «предстоят торги, на которые явятся, если судить по примеру других городов, представители еврейской компании под разными именами и ототрут русских, а у нас это случится безусловно, так как в Тамбове конкурентов им не будет» [1, с. 274]. Н.П. Муратов принял решение оказать поддержку тамбовскому подрядчику Ф.Н. Пикулину. В результате административного давления, угроз постоянных проверок и намекам на нежелание местных рабочих трудиться под началом евреев-подрядчиков подряд был передан ставленнику Н.П. Муратова Ф.Н. Пикулину [1, с. 277].

Несмотря на постоянные оговорки Н.П. Муратова, что, преследуя евреев, он всего лишь стремился следовать закону, очевидно, что в основе его деятельности лежали собственные взгляды.

Насколько подобные взгляды были распространены внутри губернаторского корпуса того времени?

Пензенский (1907–1910 гг.) и пермский (1911–1914 гг.) губернатор И.Ф. Кошко видел в евреях основных виновников Первой русской революции: «...русская революция

¹³ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 6848. Л. 313об.

¹⁴ Там же. Л. 4об.

¹⁵ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 7659. Л. 337об.

¹⁶ Там же. Л. 338-338об.

¹⁷ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 6848. Л. 4.

вырастила, прежде всего, полное порабощение всего русского, независимо ни от каких политических воззрений, и махровое торжество юдаизма. Трусливая, беспринципная по существу интеллигенция, особенно университетские круги, конечно, поступила к евреям в услужение и гнусно холопствовала, опасаясь прослыть недостаточно либеральной. Простой народ роптал, проклинал еврейство, но выступать открыто пока не решался» [11, с. 27].

Но существовали и противоположные взгляды.

Минский (1905–1906 гг.) губернатор П.Г. Курлов в декабре 1906 г. был отправлен в Киев, чтобы сменить на посту губернатора А.П. Веретенникова. Там он обнаружил ситуацию, схожую с тамбовской. При киевском губернаторе А.П. Веретенникове, по сведениям П.Г. Курлова, «...евреи имели право жить на одной стороне улицы, а на другой – нет» [12, с. 69]. Многочисленные жалобы на подобные ограничения доходили до киевского генерал-губернатора В.А. Сухомлинова, которого киевские правые считали «другом евреев» [12, с. 64]. Назревал конфликт между губернатором и генерал-губернатором, П.А. Столыпину пришлось перевести А.П. Веретенникова в Кострому.

П.Г. Курлов взял все еврейские дела в свои руки. При их рассмотрении П.Г. Курлов старался «...допускать – насколько это зависело от меня – всевозможные облегчения» [12, с. 70]. П.Г. Курлов отмечал, что: «В Киеве окончательно подтвердилось мое мнение, составленное еще в Минске, о вредности ограничений для евреев, которые становятся врагами правительства, и в то же время ограничения эти воспитывают ненависть к ним в коренном населении» [12, с. 70].

Виленский (1906–1912 гг.) губернатор Д.Н. Любимов после революции столкнулся с обвинениями в причастности к организации Кишиневского погрома 1903 г., так как состоял начальником канцелярии министра внутренних дел В.К. Плеве. В мемуарах Д.Н. Любимов отмечал, что в его защиту выступил один из присутствующих на заседании по этому делу евреев, работавших в Вильно в то время, когда Д.Н. Любимов управлял губернией: «...у нас за все годы, как вы были, ни одного погрома не было, и в этом мы, евреи, видели вашу заслугу... по-

тому мне думается, что если товарищ такой-то у себя в губернии, где хозяином он был, злодейств этих не делал и другим не позволял, то не похоже, чтобы он какие-то планы для Кишинева разрабатывал...» [13, с. 91].

М.М. Осоргин, гродненский (1903–1905 гг.) и тульский (1905 г.) губернатор, считал предвзятой мысль о том, что евреи «враги христианства деятельные и всегда нам строят козни» [14, с. 586]. После отставки из Тулы М.М. Осоргин отмечал беспокойство местных евреев относительно того, что без прежнего губернатора в городе стоит ожидать погромов – власть над губернией на время перешла к вице-губернатору А.Н. Хвостову [14, с. 752].

Полной противоположностью Н.П. Муратова в отношении к евреям был бессарабский (1903–1904 гг.) и тверской (1904–1905 гг.) губернатор С.Д. Урусов. Он проанализировал историю направленного против евреев дискриминационного законодательства и пришел к выводу о необходимости его отмены [15, с. 481]. С.Д. Урусов сменил на посту бессарабского губернатора Р.С. фон Раабена сразу после Кишиневского погрома в 1903 г. с намерением «...не только не проявлять относительно евреев чувства отчужденности, предвзятого недоверия, но, напротив, стараться всегда последовательно и твердо стоять на той точке зрения, что евреи такие же русские подданные, как и все прочее население России, пользующееся в отношении безопасности наравне с другими покровительством законов и властей» [15, с. 348]. С.Д. Урусов противостоял деятельности вице-губернатора В.Г. Устругова, который занимался всеми делами, касающимися евреев: «Общее направление губернского правления состояло в стеснении евреев, доходившем до извращения закона; но иногда по отдельным делам допускались им послабления, заставлявшие предполагать небескорыстный повод» [15, с. 354].

В середине января 1904 г. С.Д. Урусов прибыл в Санкт-Петербург для участия в комиссии по пересмотру текущего ограничительного законодательства в отношении евреев: «Председателем ее был назначен князь И.М. Оболенский, бывший херсонский губернатор и затем харьковский губернатор, а в числе членов ее я запомнил: ковенского губернатора Ватаци, виленского – графа Пале-

на, варшавского – Мартынова, могилевского – Клинберга» [15, с. 482]. Таким образом, губернаторский корпус был достаточно широко представлен в комиссии. С.Д. Урусов отмечал, что среди членов комиссии установилось два течения. Меньшинство, к которому принадлежал сам С.Д. Урусов, выступало за отмену ограничительного законодательства, большинство же склонялось к его сохранению [15, с. 486]. Однако работа комиссии была свернута из-за Русско-японской войны и необходимости присутствия губернаторов в подчиненных губерниях.

Таким образом, антисемитизм вряд ли можно считать общей характеристикой для всех руководителей губерний этого периода, но в то же время часть губернаторов разделяли подобные идеи, а Н.П. Муратов представлял собой наиболее крайнее проявление подобных взглядов в среде чиновников.

Обращаясь к законам Российской империи, Н.П. Муратов отмечает, что законы о состоянии различных сословий в смысле предоставления или ограничения прав ясны и определены. Права могут быть отняты только по суду, а расширены лишь в законодательном порядке. Наличие черты оседлости предполагало ограничение в праве выбора места жительства для евреев [16, с. 99-105]. В законе прописаны случаи, при которых евреи могли получить право проживания вне черты оседлости. Но существовало положение, помогавшее обойти ограничение не в обход, а в силу того же закона: «Министерству внутренних дел и губернаторам было предоставлено, по своему усмотрению, разрешать евреям жить в недозволенных местностях, если, по имеющимся о них сведениям, они являлись полезным для населения элементом» [1, с. 254].

Для Н.П. Муратова остается неясным, по каким критериям отличить полезного для населения еврея. Поэтому губернатор берет за правило не использовать право-усмотрение, кроме тех случаев, когда инициатива исходит от министра внутренних дел. Для любых других ведомств и частных лиц делать исключения нельзя [1, с. 255].

Н.П. Муратов на свой вкус поставил в губернском правлении делопроизводство, касающееся евреев. Никто из губернского правления, кроме делопроизводителя-докладчика, не должен был знать содержания

дел по евреям. Делопроизводитель составлял журналы дел и докладывал советникам, если те отказывались подписать – дело разбирал уже губернатор. Исправникам и полицмейстерам о делах об обнаруженных в губернии бесправных евреях было сказано, что расследование будет проводиться лишь с целью узнать, кто должен был регистрировать еврея и почему о нем не было сообщено в губернское правление. Никакие оправдания в расчет не принимались, виновных увольняли. Это правило оказалось самым жестоким, так как сразу подняло цену взяток в несколько раз. Как писал Н.П. Муратов: «Вот и все мое новаторство по еврейскому вопросу, сводившееся собственно к уничтожению не только материального, но и морального взяточничества, которых, особенно последнего, считавшегося совершенно невинным, было есть и будет так много не только в жизни русского народа, но и в жизни других стран» [1, с. 256].

Однако первоначально задуманный Н.П. Муратовым порядок ведения дел не работал по намеченному плану. Проблема была в отсутствии ключевой фигуры – делопроизводителя-докладчика. Так, у одного из занимавших эту должность чиновника «нервы его оказались никуда не годными и совершенно не выносили театральных сцен трагического пошиба, которыми его угощали посетители» [1, с. 257].

Однако в начале 1909 г. Н.П. Муратов нашел подходящего человека.

Тамбовский вице-губернатор Н.Ю. Шильдер-Шульднер привез его с собой из командировки. Им оказался волостной писарь, «кровный малоросс» О.Г. Шевела [1, с. 257].

С этого момента еврейскими делами занимался только О.Г. Шевела, а от губернатора требовалась лишь защита принятых решений в вышестоящих инстанциях. О.Г. Шевела впоследствии отмечал, что еврейские дела вполне законно вести можно только с Н.П. Муратовым [1, с. 259].

Н.П. Муратов в делах, касающихся евреев, следовал скорее духу, нежели букве закона. Характерным примером этого может служить попытка С.М. Старикова оформить удостоверение для права на жительство вне черты оседлости для своего сына на имя Евгений. Губернатор отказал ему, сославшись на то, что иудей не может носить христиан-

ского имени и потребовал объявить настоящее имя сына. Когда С.М. Стариков спросил, почему еврей не может иметь христианского имени, ответ Н.П. Муратова был предсказуем: «А потому, – резко сказал я, – вашего сына нельзя назвать Евгением, что представитель народа, распявшего Христа, не может носить имя того святого, который принял мученический венец с именем Христа на устах. Теперь поняли? И до свиданья!» [1, с. 265]. Здесь закон встал на сторону С.М. Старикова, на что указывает распоряжение департамента Общих дел от 27 мая 1911 г., его сын имел право на удостоверение под своим христианским именем – «мотив отказа в данном случае является необоснованным»¹⁸. Несмотря на то, что Н.П. Муратов старался оформлять свои действия законным путем, он все равно приобрел славу губернатора, в лице которого «в провинции администрация совершенно утратила представления о законности» [17, с. 123].

В этом заключается парадокс антисемитской кампании 1909–1912 гг. в Тамбовской губернии. При действующем дискриминационном законодательстве за несколько лет целенаправленной травли губернатор ничего не смог поделать с присутствием С.М. Старикова в губернии. При этом сам Н.П. Муратов встречал постоянные препятствия в стремлении избавиться от неугодного директора музыкального училища. На защиту С.М. Старикова встали высшая аристократия и элита имперской бюрократии в лице руководства ИРМО и тамбовское общество, в том числе предводитель дворянства Н.Н. Чолокаев, и значительная часть губернских чиновников.

Позиция Н.П. Муратова не находила поддержки и в центральном аппарате МВД, если не считать за таковую молчание П.А. Столыпина. Кроме того, губернатору прямо указывали на возможность использо-

вания права-усмотрения в деле С.М. Старикова, от которого тамбовский губернатор демонстративно отказался [1, с. 260].

Однако нельзя говорить и о том, что антисемитизм был свойственен только Н.П. Муратову. Такие идеи имели поддержку в среде чиновничества. Губернатор смог сформировать отвечающий своим требованиям аппарат по еврейским делам из тамбовских чиновников, разделяющих его взгляды. Н.П. Муратов находил людей, от имени которых мог действовать, таких как генерал-майор Н.Я. Жданович или возмущенный родитель, в жалобе описывающий происходящие в музыкальном училище нарушения и негативное влияние С.М. Старикова на учеников¹⁹.

В деле С.М. Старикова поддержка со стороны ИРМО скорее обусловлена цеховой солидарностью с композитором, благодаря которой его происхождение отошло на второй план, а не сочувствием к несправедливо преследуемому властями человеку – другие евреи в Тамбовской губернии на подобное заступничество надеяться не могли. Местные оппозиционные деятели в защите С.М. Старикова видели еще один фронт политической борьбы с правительством, при первой же реальной угрозе своим интересам, как в случае с перспективой закрытия Коннозаводческого клуба, публичная поддержка директора музыкального училища прекратилась.

Сам же Н.П. Муратов не ощущал за собой никакой вины в преследовании евреев, перекладывая ее на пострадавших от антисемитской кампании 1909–1912 гг.: «...моя роль совершенно ничтожна, и если евреи кого-нибудь могут обвинять, то лишь того, презренная рука которого убила нашего дорогого Петра Аркадьевича. Евреи слишком развлекались и веселились после смерти того, кто так много сделал для России, теперь они в Тамбове носят действительный траур»²⁰.

¹⁹ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 6848. Л. 115-115об.

²⁰ ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 7659. Л. 340об.

Список литературы

1. Муратов Н.П. Записки тамбовского губернатора. Тамбов: Пролетарский светоч, 2007. 436 с.
2. Соловьев Ю.Б. Самодержавие и дворянство в 1907–1914 гг. Л.: Наука, 1990. 267 с.
3. Лямин С.К., Ловцов В.А. Война и мир тамбовского губернатора // Родина. 2018. № 12. С. 108-112.
4. Островцов А. Последние могикане старого строя. М.: Воля, 1917. 86 с.
5. Аверченко А.Т. Собрание сочинений: в 13 т. М.: Дмитрий Сечин, 2012. Т. 5. Сорные травы. 416 с.
6. Брехт Б. Стихотворения. Рассказы. Пьесы. М.: Худ. лит., 1972. 816 с.

7. Туманова А.С. Консерватор во власти: губернатор Н.П. Муратов // Отечественная история. 2003. № 3. С. 103-113.
8. Канищев В.В. Деятельность тамбовского губернатора Н.П. Муратова в контексте борьбы консервативной и либеральной региональных политических элит: 1906–1912 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2005. 23 с.
9. Финдейзен Н.Д. Дневники, 1909–1914. СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. 374 с.
10. Рахманинов С.В. Литературное наследие: в 3 т. М.: Сов. композитор, 1978. Т. 1. Воспоминания. Статьи. Интервью. Письма. 648 с.
11. Кошко И.Ф. Воспоминания губернатора. [1905–1914 г.]: Новгород – Самара – Пенза. Пг.: Тип. «Содружество», 1916. 259 с.
12. Курлов П.Г. Гибель Императорской России. М.: Современник, 1991. 255 с.
13. Любимов Д.Н. Русское смутное время. 1902–1906. По воспоминаниям, личным заметкам и документам. М.: Кучково поле, 2018. 560 с.
14. Осоргин М.М. Воспоминания, или Что я слышал, что я видел и что я делал в течение всей моей жизни, 1861–1920. М.: Российский Фонд культуры, 2009. 999 с.
15. Урусов С.Д. Записки. Три года государственной службы. М.: Нов. лит. обозрение, 2009. 856 с.
16. Мыш М.И. Руководство к русским законам о евреях. СПб.: Тип. А. Бенке, 1914. 652 с.
17. Изгоев А.С. П.А. Столыпин: Очерк жизни и деятельности. М.: К.Ф. Некрасов, 1912. 133 с.

References

1. Muratov N. P. *Zapiski tambovskogo gubernatora* [Notes of the Tambov Governor]. Tambov, Proletarskiy svetoch Publ., 2007, 436 p. (In Russian).
2. Solovyev Y.B. *Samoderzhaviye i dvoryanstvo v 1907–1914 gg.* [Autocracy and Nobility in 1907–1914]. Leningrad, Nauka Publ., 1990, 267 p. (In Russian).
3. Lyamin S.K., Lovtsov V.A. *Voina i mir tambovskogo gubernatora* [War and peace of the Tambov governor]. *Rodina* [Homeland], 2018, no. 12, pp. 108-112. (In Russian).
4. Ostrovtsov A. *Posledniye mogikane starogo stroya* [The Last Mohicans of the Old Order]. Moscow, Volya Publ., 1917, 86 p. (In Russian).
5. Averchenko A.T. *Sobraniye sochineniy: v 13 t. T. 5. Sornyye travy* [Collected Works: in 13 vols. Vol. 5. Weeds]. Moscow, Dmitriy Sechin Publ., 2012, 416 p. (In Russian).
6. Brecht B. *Stikhotvoreniya. Rasskazy. P'yesy* [Poems. Stories. Plays]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1972, 816 p. (In Russian).
7. Tumanova A.S. *Konservator vo vlasti: gubernator N.P. Muratov* [Conservative in power: governor N.P. Muratov]. *Otechestvennaya istoriya – National History*, 2003, no. 3, pp. 103-113. (In Russian).
8. Kanishchev V.V. *Deyatel'nost' tambovskogo gubernatora N.P. Muratova v kontekste bor'by konservativnoy i liberal'noy regional'nykh politicheskikh elit: 1906–1912 gg.: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Activities of the Tambov Governor N. P. Muratov in the Context of the Struggle Between Conservative and Liberal Regional Political Elites: 1906–1912. Cand. hist. sci. diss. abstr.]. Tambov, 2005, 23 p. (In Russian).
9. Findeyzen N.D. *Dnevnik, 1909–1914* [Diaries, 1909–1914]. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 2013, 374 p. (In Russian).
10. Rakhmaninov S.V. *Literaturnoye nasledie: v 3 t. T. 1. Vospominaniya. Stat'i. Interv'yu. Pis'ma* [Literary Heritage: in 3 vols. Vol. 1. Memories. Articles. Interview. Letters]. Moscow, Sovetskiy kompozitor Publ., 1978, 648 p. (In Russian).
11. Koshko I.F. *Vospominaniya gubernatora. [1905–1914 g.]: Novgorod – Samara – Penza* [Memoirs of the Governor. [1905–1914]: Novgorod – Samara – Penza]. Petrograd, Typography "Sodruzhestvo", 1916, 259 p. (In Russian).
12. Kurlov P.G. *Gibel' Imperatorskoy Rossii* [The Death of Imperial Russia]. Moscow, Sovremennik Publ., 1991, 255 p. (In Russian).
13. Lyubimov D.N. *Russkoye smutnoye vremya. 1902–1906. Po vospominaniyam, lichnym zametkam i dokumentam* [Russian Time of Troubles. 1902–1906. From Memories, Personal Notes and Documents]. Moscow, Kuchkovo pole Publ., 2018, 560 p. (In Russian).
14. Osorgin M.M. *Vospominaniya, ili Chto ya slyshal, chto ya videl i chto ya delal v techeniye vsey moyey zhizni, 1861–1920* [Memories, or What I Heard, What I Saw and What I Did Throughout My Life, 1861–1920]. Moscow, Russian Culture Fund Publ., 2009, 999 p. (In Russian).
15. Urusov S.D. *Zapiski. Tri goda gosudarstvennoy sluzhby* [Notes. Three Years of Civil Service]. Moscow, Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2009, 856 p. (In Russian).

16. Mysh M.I. *Rukovodstvo k russkim zakonam o evreyakh* [Guide to Russian Jewish Laws]. St. Petersburg, Typography of A. Benke, 1914, 652 p. (In Russian).
17. Izgoyev A.S. *P.A. Stolypin: Ocherk zhizni i deyatel'nosti* [P.A. Stolypin: Essay on Life and Work]. Moscow, K.F. Nekrasov Publ., 1912, 133 p. (In Russian).

Информация об авторе

Ловцов Владимир Александрович, аспирант, кафедра всеобщей и российской истории. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: vladimirlovtsodotcom@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6819-6554>

Поступила в редакцию 13.10.2020 г.
Поступила после рецензирования 10.11.2020 г.
Принята к публикации 24.12.2020 г.

Information about the author

Vladimir A. Lovtsov, Post-Graduate Student, General and Russian History Department. Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation. E-mail: vladimirlovtsodotcom@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6819-6554>

Received 13 October 2020
Reviewed 10 November 2020
Accepted for press 24 December 2020